

«ИСТИННО ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Генерал-прокурор
Дмитрий Васильевич
ДАШКОВ

«ПОЛЬЗОВАЛСЯ ПРЕИМУЩЕСТВЕННЫМ УВАЖЕНИЕМ»

Дмитрий Васильевич Дашков принадлежал к старинному дворянскому роду, ведущему свое начало от «мужа честна» Дашка, выехавшего в начале XVI в. из Большой Орды в Москву и получившего при крещении имя Даниила. Родители будущего генерал-прокурора имели два небольших родовых имения в Рязанской губернии, приносявшие незначительный доход. Крепостных людей у них было немного — чуть более двухсот. Д.В. Дашков родился в 1788 г. Хотя отец его был небогат и имел весьма ограниченные средства, он сумел дать сыну приличное домашнее образование, а затем устроил в самый известный и пользовавшийся хорошей репутацией Московский университетский благородный пансион. Это была привилегированная аристократическая школа, которая во многом благодаря стараниями ее директора, профессора Московского университета Антона Антоновича Прокоповича-Антонского превратилась в образцовое учебное заведение, готовившее пансионеров не только в студенты, но и для военной и статской службы. Директор значительно расширил пансион за счет присоединения к нему нескольких строений, собрал великолепную библиотеку. К преподаванию в пансионе привлекались профессора и лучшие студенты Московского университета; они же составляли для пансионеров учебные пособия.

При поступлении в пансион требовалось выдержать экзамен. Дашков, обладавший с детства блестящими способностями, без особого труда прошел это испытание. В пансионе насчитывалось шесть классов — по два низших, средних и старших. Ученик зачислялся в определенный класс, в зависимости от полученной дома подготовки. Одиннадцатилетний Дмитрий попал в первый средний класс. Он учился вместе с В.А. Жуковским и братьями А.И. и Н.И. Тургеневыми. За годы обучения он дважды награждался серебряными медалями, а его имя, как одного из лучших учеников, было написано на доске золотыми буквами. В сентябре 1801 г. юноша был произведен в «действительные студенты», что давало ему право наряду с занятиями в пансионе слушать лекции в Московском университете. Требовательный и взыскательный Прокопович-Антонский заставлял пансионеров, посещавших лекции в университете, представлять ему «отчетные записки» о всех предметах, прослушанных на кафедрах.

А.А. Прокопович-Антонский

В октябре 1801 г. Дашков покинул стены Благородного пансиона и поступил на службу юнкером в Московский архив Коллегии иностранных дел. Здесь он прослужил девять лет. Однако с пансионом Дашков не порывал. В издаваемых этим учебным заведением журналах «Утренняя заря» и «И отдых в пользу» он опубликовал свои первые литературные произведения, преимущественно переводы с французского языка. Они были написаны талантливо и изящно, и сразу же привлекли внимание такого взыскательного поэта, каким был Иван Иванович Дмитриев.

В 1810 г. Дашков, получив чин коллежского асессора, относившийся к восьмому классу Табели о рангах, вышел в отставку.

Когда И.И. Дмитриев был назначен министром юстиции, он, любивший всегда окружать себя талантливыми

людьми, пригласил на службу в министерство нескольких молодых начинающих поэтов и литераторов, окончивших Благородный пансион. В их числе был и Дашков. Вместе с ним в Петербург приехали его товарищи по пансиону Михаил Васильевич Милонов и Николай Федорович Грамматин. Дмитриев, сам умевший блестяще сочетать интенсивную литературную деятельность с выполнением самых ответственных государственных обязанностей, считал, что склонность к поэзии и литературе никогда не мешает делу.

Милонов и Грамматин в министерстве прослужили недолго. Не полностью раскрылись их литературные дарования. По свидетельству Ф.Ф. Вигеля, «огромный талант Милонова можно сравнить с прекрасной зарей никогда не подымавшегося дня». Он был известен в Петербурге своими сатирами, а еще более — остроумными репликами и «беззаботной, разгульной жизнью». Свой талант, как отмечает Вигель, Милонов «пропил в вине». Грамматин, наоборот, был человек «тихий, спокойный и скромный». Свой талант он «зарыл в деревне». В 1812 г., оставив службу в министерстве, уехал в Кострому, где некоторое время был директором гимназии. Вскоре вышел в отставку и поселился в своем имении, не оставляя, впрочем, литературных занятий.

Дашков же полностью оправдал надежды Дмитриева. В министерстве он получил чин надворного советника и сразу занял ведущее положение. Министру юстиции Дмитриеву, человеку с тонкой поэтической натурой, был чужд тяжелый канцелярский слог, которым тогда составлялись все официальные бумаги, и он решительно повел борьбу с «окаменелыми от времени формами речи», требуя от своих подчиненных ясности и простоты при подготовке того или иного документа. В этом смысле Дашков был для него настоящей находкой. В министерстве Дмитриев поручал ему все бумаги, «требовавшие особенно обдуманного составления, строгой точности и ясности, хорошего слога». Министр высоко ценил прямоту характера и большие способности своего сотрудника. По свидетельству племянника министра, Михаила Александровича Дмитриева, Дашков был «человек большого ума, обширных сведений и великих достоинств».

Успешно шла и литературная карьера. В начале 1810-х гг. Дашков постепенно выдвигается в число лучших петербургских литераторов. Он активно сотрудничает в «Цветнике», «Петербургском вестнике», «Вестнике Европы». Здесь появляются его театральные рецензии, критические разборы произведений, которые принесли ему репутацию блестящего полемиста. В 1811 г. вышла его небольшая книжка

«О легчайшем способе возражать на критики», направленная против А.С. Шишкова, известного в то время писателя и государственного деятеля, защитника «старого слога» и стремившегося таким способом сохранить «самобытность русского языка». Будучи «ревнителем старины», он в своих статьях обвинял молодых литераторов в безнравственности и отсутствии любви к отечеству. Книга Дашкова, написанная с большим знанием дела, принесла автору настоящую литературную славу.

Вот как отзывается о Дашкове этого периода М.А. Дмитриев в своих записках «Мелочи из запаса моей памяти»: «В самой молодости между товарищами Дашков пользовался уже преимущественным уважением и к своему лицу, и к своим мнениям. Он и тогда имел над ними какую-то моральную власть, которой они покорялись, признавая его превосходство перед собою. Его приговор литературным их произведениям почитался важным и окончательным; его насмеш-

А.С. Шишков

ка была метка и неотразима, хотя никогда не была оскорбительна. Милонов, а особенно Грамматин часто бывали предметом его верных замечаний и приятельских шуток; но плохие авторы испытывали всю силу его иронии».

Об остроумии и убийственной силе иронии Дашкова свидетельствует такой случай. В молодости он был вначале членом, а затем и президентом Петербургского вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Весной 1812 г. в почетные члены общества предложили графа Д.И. Хвостова, пользовавшегося в литературных кругах столицы репутацией графомана. Видимо, такого же мнения о его творческих способностях придерживался и Дашков, проголосовавший против принятия. Но на этот раз ему пришлось уступить большинству, согласившемуся принять Хвостова в почетные члены общества. Тогда Дашков попросил разрешения сказать по этому случаю «приветственную речь», что было в соответствии с правилами. Не подозревая никакого подвоха, все согласились. И Дмитрий Васильевич действительно произнес такую речь, которая по содержанию была наполнена похвалой по адресу нового члена, но вместе с тем в ней было столько неприкрытой иронии, что она не вызывала сомнения в отсутствии какого-либо поэтического дарования у графа. В ней были, в частности, такие выражения: «Ныне в первый раз восседает с нами краса и честь российского Парнаса», «гений единственный по быстрому своему парению и по разнообразию тьмочисленных своих произведений», «он вознесся выше Пиндара, унизил Горация, победил Мольера, уничтожил Расина», «всей вселенной известны его заслуги» и тому подобные.

Насмешка Дашкова была настолько откровенной, что даже Дмитриев, узнав об этой выходке, как ни любил Дмитрия Васильевича, но счел нужным пожурить его. Граф Хвостов все же достойно вышел из затруднительного положения и даже сумел поставить автора шутки в неловкое положение. На следующий день он, как ни в чем не бывало, пригласил Дашкова к себе на обед. Дмитрий Васильевич готов был ожидать чего угодно, но только не этого. Обескураженный таким поворотом дела, он обратился за советом к Дмитриеву. Тот решительно сказал: «Советую ехать, Дмитрий Васильевич. Знаю, что тебе будет неловко; но ты должен заплатить этим за свою неосторожность». Во время обеда, в стороне от других, Хвостов сказал Дашкову: «Нехорошо, что вы подшутили над стариком, который вам ничего дурного не сделал. Впрочем, я на вас не сержусь; останемся знакомы по-прежнему». Иначе были настроены

члены Вольного общества. Этой выходки они Дашкову не простили и исключили его из своих членов.

За служебные успехи в июне 1815 г. Дашков был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. Вскоре после этого его перевели в канцелярию Молчанова — статс-секретаря императора. Правда, прослужил он здесь недолго.

В ЛИТЕРАТУРНЫХ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ БАТАЛИЯХ

В середине 1810-х гг. Дмитрий Васильевич принимал самое деятельное участие в литературной жизни Петербурга. Исключенный из Вольного общества, он в октябре 1815 г.

Н.М. Карамзин

И.А. Каподистрия

вместе с В.А. Жуковским и Д.Н. Блудовым становится основателем общества «Арзамасских безвестных литераторов», или просто «Арзамас». Общество вначале собиралось исправно, каждую неделю, у Блудова или Уварова. Оно возникло как бы в противовес обществу «Беседа любителей русского слова», в котором верховодили А.С. Шишков, драматург князь А.А. Шаховской и поэт С.А. Ширинский-Шихматов. В «Беседе» все происходило чинно. Члены и гости являлись туда, облаченные в мундиры, с орденами и знаками отличий, впускались по специальным билетам. Заседания проходили торжественно и скучно.

Совсем иным был «Арзамас». В нем все делалось с хорошей шуткой, озорно и дерзко. Каждый арзамасец носил кличку или прозвище, взятые из баллад Жуковского. Дашкова, например, прозвали «Чу!». Заседания открывались «похвальным словом» кому-нибудь из «староверов» шишковской «Беседы», затем продолжались с бесконечными шутками, розыгрышами и пародиями. Был разработан да-

же шуточный устав и специальный обряд принятия в члены общества. Эмблемой общества стал мерзлый гусь, отчего оно называлось еще «Арзамаские гуси». Члены общества критически разбирали и собственные произведения, но делали это с неиссякаемым юмором. Вечер заканчивался обычно веселым ужином, на котором обязательно подавался арзамаский гусь, а также пением гимна, который сочинил Дашков.

В эти годы он выступает в печати с рядом острых произведений. Пишет едкий памфлет, направленный против Шаховского — «Письмо к новейшему Аристофану». Много переводит, серьезно изучает немецкую литературу и философию. Его постоянные собеседники — Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский, Н.И. Гнедич и другие известные писатели и поэты.

Постепенно налаживается и служебная карьера. На него обратил внимание граф И.А. Каподистрия, возглавлявший

К.В. Нессельроде

в то время министерство иностранных дел России. 27 сентября 1816 г. он вновь переходит на службу в Коллегию иностранных дел. При поступлении в Коллегию граф Каподистрия потребовал от Дашкова представления какого-нибудь сочинения на французском языке. Так он хотел «видеть и образ его мыслей и искусство в их изложении». По совету И.И. Дмитриева Дашков написал критический разбор книги Шатобриана «Бонапарт и Бурбоны». Граф остался очень доволен этой работой. С тех пор Дашков приобрел «его полное уважение и доверенность».

В 1817 г. в чине статского советника он был прикреплен к русской миссии в Константинополе, а на следующий год уже становится вторым советником при русском посольстве в Турции. В Константинополе Дашкову пришлось находиться в самые трагические дни жестоких греко-турецких столкновений. В эти дни русский советник проявил не только большие дипломатические способности, но и личное мужество. Несмотря на то, что русское правительство осудило греческое движение, как «проявление революционного духа», и грекам было официально отказано в помощи, а граф Каподистрия, грек по национальности, был отправлен в отставку и заменен К.В. Нессельроде, Дашков сумел спасти от смерти многие греческие семейства. Русский посланник Строганов использовал сметливость и догадливость Дашкова в самые критические минуты столкновений.

Находясь в Константинополе, Дашков занимался не только дипломатией. Он увлеченно изучает греческую историю, язык, читает в подленнике Гомера и Платона. В 1820 г. он совершил большую поездку по Греции, побывал в Иерусалиме. Сам Дашков об этом писал так: «Находясь несколько лет сряду в Константинополе при российском посольстве и потом путешествуя по Греции, я везде навевался усердно о древних рукописях, в надежде, что какой-нибудь счастливый случай поможет мне отыскать всего Тита Ливия и Диодора, или утраченные Анфологии Мелеагра, Филиппа Фессалоникского, Агафия. Особливо желал я иметь понятие о серальной библиотеке, для христиан недоступной».

С большим религиозным чувством он посетил в Иерусалиме храм Воскресения. В этом городе он провел несколько дней; там все окружающее возбуждало в его душе «неизгладимые чувства». Часто в глубокую полночь, когда монахи спокойно спали в своих кельях, Дашков стоял, облокотившись на подножие столба, среди большой церкви. В его воображении воскресали давно минувшие времена:

страдания праведного, источник жизни, отсюда излившийся, «когда скрижали Моисеевы уступили место новому закону».

Впечатления о своем путешествии он описал в путевых очерках «Афонская гора. Отрывок из путешествия по Греции в 1820 г.» и «Русские поклонники в Иерусалиме. Отрывок из путешествия по Греции и Палестине в 1820 г.», которые были опубликованы в «Северных цветах» в 1825 и 1826 гг. В этих очерках Дашков выступал уже как зрелый прозаик с собственным неповторимым стилем, унаследовавший от карамзинской школы ее лучшие черты, ясность и изящество.

В 1820 и начале 1821 г. Дашков занимается «обозрением и приведением в устройство» русского консульства в Леванте, за что был удостоен ордена Св. Владимира 3-й степени. В 1822 г. он по Высочайшему повелению управлял делами константинопольской миссии.

В первой половине 1820-х гг. Дашков еще активно занимался литературным творчеством. В «Северных цветах», «Полярной звезде», «Московском телеграфе» он публикует свои путевые очерки, переводы из Палатинской антологии, этого свода древнегреческих и византийских эпиграмм. Позднее он отходит от активной литературной работы, полностью отдаваясь многообразным служебным обязанностям, которые с каждым годом становились все ответственнее.

Вернувшись в Россию, Дашков, оставаясь в Коллегии иностранных дел, назначается членом Комиссии составления законов. Ему дается чин действительного статского советника и «пожалован» орден Св. Владимира 2-й степени. В декабре 1826 г., уже при императоре Николае I, Дашков становится статс-секретарем императора и одновременно товарищем министра внутренних дел. Почти одновременно с этим он удостоивается ордена Св. Анны 1-й степени.

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

В 1828 г. Николай I, решившись на войну с Турцией, пожелал лично участвовать в предстоящих военных действиях. В связи с предполагаемым длительным отсутствием, и желая установить на это время некоторые особые меры по управлению государством, император учредил 24 апреля 1828 г. Временную верховную комиссию, в которую вошли граф В.П. Кочубей, граф П.А. Толстой и князь А.Н. Голи-

А.Х. Бенкендорф

цын. В специальных секретных указах, а также Наказе определялись полномочия комиссии по управлению империей и решению неотложных дел.

На следующий день Николай I покинул Петербург. Императора сопровождала многочисленная свита. Достаточно отметить, что «при главной квартире» состояли, включая прислугу, писарей, мастеровых и прочих, около 300 человек. Кроме того, при императоре находился дивизион лейб-гвардии казачьего полка, взвод лейб-гвардии жандармского полускадрона, казачий полк и шесть фурштедтских рот. Николая I сопровождали генерал-адъютанты, дипломаты, посланники. Из своих статс-секретарей государь взял с собой Дмитрия Васильевича Дашкова, как человека, хорошо знакомого с восточными делами.

В начале мая император прибыл в русский лагерь, расположившийся под Браиловом. В местах военных действий

Николай I пробыл до конца июля 1828 г., а затем морским путем вернулся в Одессу. После этого он направился в Варну. В Петербург же возвратился только в середине октября.

Во время пребывания Дашкова в свите императора, ему пришлось заниматься одним довольно щекотливым делом. Оно заключалось в следующем. Управляющий Третьим отделением, правая рука А.Х. Бенкендорфа Максим Яковлевич фон-Фок, направил своему шефу, который был вместе с императором в русской армии, воевавшей против Турции, записку о якобы готовившемся издании антиправительственной политической газеты «Утренний Листок». В записке он писал: «В Москве опять составила партия для издания газеты политической, ежедневной под названием Утренний Листок... Все эти издатели по многим отношениям весьма подозрительны, ибо явно проповедуют либерализм. Ныне известно, что партию составляют князь Вяземский, Пушкин, Титов, Шевырев, князь Одоевский, два Ки-

М.Я. фон Фок

реевские и еще несколько отчаянных юношей. Поныне такое между ними условие: поручить издателю «Московского Вестника» Погодину испрашивать позволение... Сия партия надеется теперь через немецких ученых Круга и Адельунга снискать позволения князя Ливена, чрез князя Вяземского и Пушкина, действовать на Блудова посредством Жуковского, а чрез своего партизана Титова, племянника статс-секретаря Дашкова, снискать доступ к государю чрез графа Нессельроде или самого Дашкова.

Издание частной газеты в Москве будет весьма вредно для общего духа и мнения, ибо, как известно из переписки сей партии, вся их цель состоит в том, чтоб действовать на дух народа распространением либеральных правил... Уже эта московская партия показала свой образ мыслей насчет газет не только в секретной переписке (то есть перлюстрированной — *Авт.*), но даже и в печатном. В № 8 «Московского вестника» на сей 1828 год критикуют наши газеты и дают чувствовать, как они сами будут издавать газету...».

К записке фон-Фок приложил этот номер газеты со своими замечаниями на полях. Бенкендорф, прежде чем доложить о записке Николаю I, передал ее «на изучение» Дашкову. Тот внимательно ознакомился с ней и представил свои замечания и возражения, дав достойную отповедь автору записки (о том, что им был фон-Фок Дашков не знал). Почти все замечания фон-Фока, сделанные им на полях газетной статьи, пестрят такими выражениями Дашкова: «Это умышленная натяжка», «натяжка», «неправда», «умышленно кривое толкование» и тому подобными.

В своем же собственноручном заключении Дашков писал: «Цель сей статьи есть то, чтобы побудить Правительство к запрещению издания в Москве предполагаемой политической газеты. Я и сам не дозволил бы оной, но потому только, что там оные издатели скорее могли бы поместить нескромные статьи — не с умысла, а по неосторожности или по умничанью. Я твердо уверен, что неразумное умничанье и необузданная болтовня играют большую роль в так называемом русском либерализме.

Сочинитель записки видит в московских литераторах общество заговорщиков; но истинное побуждение их так явно, что даже открывает мне имена их...».

Далее Дашков дает очень интересные отзывы о Вяземском, Пушкине, Титове, Одоевском. Он пишет, что считает долгом сказать о них свое мнение «по чести и совести». «Князь Вяземский, — пишет Дашков, — известен Правительству с самой дурной стороны и справедливо терпит за

В.П. Кочубей

невоздержанность языка и пера своего. Переписка его была вредна и ему и другим. Но сердце Вяземского совсем не злое и неспособно к измене; тому может служить доказательством и невинность его по делу о злоумышленных тайных обществах, хотя он верно был знаком с 3/4 составляющих оное негодяев... Я знаю Вяземского с самых молодых его лет за человека с умом, с душою, с честью... Вся его вина — в эпиграммах и письмах, наполненных вредным для него умничаньем и острословием... Но он не заговорщик, и не враг правительству: в этом поручатся все его знающие... О Пушкине говорить нечего: его хорошие и дурные качества известны, кажется, правительству в прямом смысле...♦.

Далее Дашков дает благожелательные отзывы о князе Одоевском и о своем племяннике Титове. Заканчивает же он свою записку так: «Едва ли можно верить, что сочинитель сих нелепостей ошибся от доброго сердца».

В 1829 г. война с Турцией завершилась. Когда в Андрианополе шли мирные переговоры, Николай I учредил особый секретный комитет под предводительством Кочубея, в который вошли также А.Н. Голицын, П.А. Толстой, К.В. Нессельроде, А.И. Чернышев и Д.В. Дашков. Комитету поручалось «выяснить положение» Турции и обсудить вопрос о том, «какое положение должна занять Россия, в случае падения Оттоманской Порты». На первом же заседании комитет заслушал записку Нессельроде, в которой высказывалось мнение о пользе для России сохранения существования Турции как самостоятельного государства.

Дашков, хорошо разбиравшийся в восточных делах, также убежденно доказывал, что «политика, поставившая себе целью падение Турецкой империи, не соответствовала бы истинным выгодам России. Теперь, — утверждал он, — когда границы империи простираются от Белого моря до Дуная и Аракса, от Камчатки до Вислы, осталось мало приобретений, которые могли бы быть ей полезными».

Соответственно этим мнениям комитет единогласно решил, что «выгоды представляемые сохранением Оттоманской империи в Европе, превосходят сопряженные с ее существованием неудобства», и что «падение Оттоманской империи не соответствует истинным интересам России».

В этот же период Дашков активно работал также и в секретном Комитете 6 декабря 1826 г., в так называемом Преобразовательном комитете, который был создан для разбора бумаг Александра I. Этот комитет возглавлял опять же Кочубей. В его составе были М.М. Сперанский, И.В. Васильчиков, И.И. Дибич, а также Голицын и Толстой. Комитет просуществовал четыре года, однако практическая деятельность его оказалась малоэффективной, хотя на нем и рассматривались такие животрепещущие вопросы, как преобразование Государственного совета, Сената, губернских учреждений, крестьянский вопрос. Николаевская Россия еще была не готова к радикальным переменам. Практически при Николае I был реализован лишь один рассматриваемый на комитете вопрос — о составлении свода законов Российской империи и то, в основном, благодаря личным стараниям и энтузиазму Сперанского.

В марте 1829 г. Дашков был назначен товарищем министра юстиции и вскоре после этого награжден чином тайно-

го советника. В апреле того же года, когда статс-секретарь Блудов, являвшийся главноуправляющим духовными делами иностранных исповеданий, выехал в длительную служебную командировку за границу, Дашкову было поручено исполнять его обязанности.

Вот что пишет о Дашкове этого периода известный мемуарист А.И. Кошелев: «Во время моего служения у Блудова мне пришлось месяца три или четыре быть под начальством Д.В. Дашкова. Блудов, уезжая за границу с высочайшего соизволения, передал своему другу Дашкову свои обязанности как по главному управлению духовными делами иностранных исповеданий, так и по Преобразовательному комитету. Вследствие этого я должен был по отъезде Блудова явиться к исправляющему его должность... Являюсь; докладывают обо мне; просят подождать. Жду час, два; снова докладывают и снова «просят подождать». Наконец уже 2-й час; я прошу вновь доложить и в ответ получаю: извиняется, что сегодня не может принять. Ухожу с твердым намерением не возвращаться к нему, пока сам он за мною не

И.И. Дибич

пришлет. Проходит три, четыре дня, и является ко мне курьер, с приглашением к министру. Иду; Дашков тотчас меня принимает и, до возвращения Блудова, я почти не выходил из его кабинета. Тут я имел случай довольно хорошо узнать этого даровитого, истинно государственного человека. Он был по природе очень застенчив; а потому не любил новых людей и всячески избегал официальных приемов. Поэтому и меня он не решился принять в первый раз, когда я к нему явился. Вообще он не отличался деятельностью и трудолюбием; напротив того, он был ленив и дела любил откладывать до завтра; но когда необходимо было что сделать, то он работал и день и ночь без устали. Взгляд его на дела был светлый и обширный».

В конце 1820-х гг. император Николай I поручил Дашкову подготовить доклад об устройстве княжеств Молдавии и Валахии. По свидетельству Кошелева, Дмитрий Васильевич принялся за работу вечером, проработал над докладом без отдыха более суток и написал великолепную записку на 10-12 листах «мелкого письма», почти без помарок, в которой «одно последовательно вытекало из другого».

Не случайно за свою службу Дашков не раз удостоивался императорского «признания» и «благоволения».

«БЫЛ ТВЕРД В СВОИХ МНЕНИЯХ»

20 сентября 1829 г. Дмитрий Васильевич Дашков «вступил в управление» министерством юстиции, оставаясь при этом по-прежнему статс-секретарем императора. Какие-то обстоятельства первое время удерживали Николая I от утверждения его в этой должности. Возможно, он искал более подходящую кандидатуру; может быть, его сдерживало то обстоятельство, что Дашков был близок тем литературным кругам, из которых вышло немало декабристов. По-видимому, Дашков был не совсем удобной для государя кандидатурой на пост министра юстиции и генерал-прокурора, так как мог при случае проявлять твердую волю в отстаивании своего мнения. И император это знал.

М.А. Дмитриев так характеризовал Дашкова: «Имея важную наружность от природы, он никогда не важничал, был разговорчив и охотно сообщал замечания светлого ума своего о предметах и важных и легких, но был тверд в своих мнениях: ибо мнения его были плодом зрелого убеждения. Он следил за всеми отраслями наук и литературы; он читал беспрестанно и проникал глубоко в историю народов

и в политические происшествия своего времени. Русскую литературу знал во всех подробностях и ни одного произведения ее не оставлял без внимания, даже и тогда, когда впоследствии занимал важные должности».

В январе 1832 г. Дашков был награжден орденом Белого Орла, а вслед за этим, 2 февраля, утвержден в должности министра юстиции. В этом звании он прослужил семь лет, принимая энергичные меры как по улучшению деятельности судебной и прокурорской систем, так и совершенствованию законодательства. При нем были проведены различные преобразования в министерстве, приняты дополнения и изменения в законах, регламентирующих деятельность судебных и прокурорских органов.

Когда Дашков находился на посту министра юстиции, была завершена «монументальная», по выражению Николая I, работа по составлению Свода законов Российской империи. По этому поводу 19 января 1833 г. было созвано чрезвычайное собрание Государственного совета. Посреди зала Совета на особом столике лежали 56 томов «Полного собрания законов Российской империи» и 15 томов «Свода законов Российской империи, повелением императора Николая Первого составленного». Председательствовал на нем В.П. Кочубей. На заседании Государственного совета с большой речью выступил император Николай I. Он сказал: «Свод теперь закончен и всякому члену предоставляется выразить свое мнение о его достоинстве и о той эпохе, с которой, по рассмотрению его во всех частях, он должен будет воспринят в явную силу».

После того как выступил Николай I, министр юстиции Дашков высказал свои замечания по редакции «Свода», не оспаривая, впрочем, соновной его идеи. Все остальные члены Государственного совета признали проделанную работу «в высшей степени полезной». Государственный совет принял такое решение: «I. Свод законов издать ныне же и разослать во все присутственные места.

II. При сем объявить, что Свод получит исключительную силу закона с I января 1835 г.

III. Министру юстиции составить положение о способе удостоверения, не откроется ли при производстве дел противоречий, неясности, пропусков, требующих изъяснения или дополнения.

IV. Департаменту законов предоставить рассмотреть совокупно с министром юстиции состоящие проекты: положения для ревизии и манифеста, при коем Свод законов имеет быть издан».

По окончании заседания Николай I обнял М.М. Сперанского и надел на него снятую с себя самого Андреевскую ленту. Триумф Сперанского был полным.

При подписании журнала, в котором было зафиксировано решение Государственного совета, 13 членов высказали мнение, что фраза «разослать Свод» написана в том смысле, чтобы разрешить его к руководству. При докладе этого решения императору, тот собственноручно начертал следующую резолюцию: «Журнал составлен совершенно правильно, согласно Моим намерениям, в Совете изложенным. Свод рассылается ныне же как положительный закон, которого исключительное действие начинается с 1 января 1835 г. Руководствоваться оным ныне же дозволяется только в таком смысле, что под каждою статьей означены все законы, которые до каждого предмета касаются и которые по нынешней форме судопроизводства все в приговоре или определении быть должны, но отнюдь не вписывая собственной статьи Свода, которого законная сила начинается с 1835 года».

Теперь Россия имела систематизированный Свод законов, а также Полное собрание законов Российской империи. Однако уже тогда ощущалась острая нужда в квалифицированных кадрах юристов. В своей записке на имя Николая I Сперанский писал, что «для правильного течения правосудия необходимы не только ясные положительные законы, но и знающие судьи и законоведы». И в этом он был абсолютно прав. Имевшие в то время в России университеты на своих юридических факультетах не могли обеспечить юристами все более разрастающийся государственный аппарат. К тому же там больше внимания уделяли римскому, нежели отечественному праву. По предложению Сперанского в университетах были отобраны шесть наиболее способных студентов, в частности, Неволин, Редкин, Куницын и другие, которых отправили на казенный счет в Берлин для завершения юридического образования. После возвращения в Россию они открыли в университетах специальные кафедры по отдельным отраслям русского права.

Идеи создания хорошей юридической школы в России вынашивались давно. Еще Петр I был озабочен тем, чтобы дворяне изучали «приказные дела», то есть основы канцелярского делопроизводства в учрежденной при Сенате школе. В 1724 г. он приказал открыть при Сенате школу, чтобы обучать дворян, числившихся в военной и юстиц-коллегиях. Екатерина II эту школу закрыла. Во время ее царствования молодые люди могли изучать законоведение толь-

ко в кадетском корпусе и Московском университете. Павел I своим указом Правительствующему сенату повелел восстановить правило об определении юнкеров из молодых дворян для обучения при Петербургском и Московском департаментах Сената. Учреждение юнкерской школы было возложено на генерал-прокурора Куракина. Выработанный им проект, в котором правоведение составляло главный предмет обучения, был утвержден в 1797 г. Генерал-прокурор Беклешов остался неудовлетворен делами школы и предложил Александру I свой проект ее устройства. Однако школа по его проекту так и не открылась. Училище правоведения открылось в 1806 г. при министре юстиции Лопухине, а первый выпуск состоялся спустя три года. Затем училище было упразднено. Вопрос о создании школы правоведения ставил и министр юстиции И.И. Дмитриев, но также безуспешно.

Только при министре юстиции Дашкове этот вопрос окончательно был разрешен. В октябре 1834 г. сын Екатерины Павловны, дочери императора Павла I, принц Петр Георгиевич Ольденбургский направил Николаю I записку об учреждении в Петербурге «специального учебного заведения для юридического образования юношества». Все расходы по его организации он брал на себя. Император направил записку Сперанскому с такой припиской: «Благородные чувства Принца достойны уважения. Прошу, прочитав, переговорить с ним и Мне сообщить как ваши замечания, так и то, что вами с Принцем условлено будет».

Сперанский полностью одобрил идею. Вскоре он вместе с принцем Ольденбургским выработал Устав училища правоведения, который после рассмотрения его в Государственном совете был утвержден Николаем I. Училище было торжественно открыто 5 декабря 1835 г. Прошение о зачислении на первый курс подали 292 человека, однако отобрано и принято было только 54 воспитанника. В последующем число их увеличилось до 150 человек. Оставаясь под высоким попечением принца Ольденбургского, училище поступило в ведение министра юстиции. Первым его директором стал обер-прокурор 2-го департамента Правительствующего сената Семен Антонович Пошман. Эту должность он занимал 12 лет. Ежегодные расходы по содержанию училища составляли 150 тысяч рублей, которые выдавались правительством из средств государственного казначейства.

В соответствии с Уставом, воспитанники, выпускаемые с чинами 9, 10 и 12 классов, определялись на службу преимущественно в Сенатскую канцелярию, находившуюся в

ведении министра юстиции. Окончившие училище правове- ды занимали прокурорские и судебные должности. Многие из них оставили заметный след не только на государственной службе, но и в науке, литературе, искусстве.

Училище в разное время закончили публицисты, братья Григорий Сергеевич и Иван Сергеевич Аксаковы, поэт-лирик, один из создателей знаменитого Козьмы Пруткова Алексей Михайлович Жемчужников, поэт Алексей Николаевич Апухтин, драматург Модест Ильич Чайковский, литератор, автор «Русских уголовных процессов» Александр Дмитриевич Любавский, композиторы Петр Ильич Чайковский и Александр Иванович Серов, почетные академики Владимир Васильевич Стасов и Константин Константинович Арсеньев, министры юстиции Николай Авксентьевич Манассеин, Иван Григорьевич Щегловитов, Дмитрий Николаевич Набоков, обер-прокурор Святейшего синода Константин Петрович Победоносцев, обер-прокуроры Правительствующего сената Дмитрий Александрович Ровинский и Владимир Константинович Случевский и многие другие.

Училище правоведения прибавило немало забот министру юстиции. Много времени уходило на дачу различных заключений — в Правительствующем сенате, Государственном совете, Комитете министров. Дашков не был таким министром, который всегда и во всем выполнял бы волю императора. О твердых его убеждениях свидетельствует такой факт, приводимый мемуаристом А.И. Кошелевым в своих «Записках».

В середине 1830-х гг. Правительствующий сенат, в качестве Верховного суда, рассматривал дело в отношении группы поляков, обвиненных в заговоре против императора. Николай I лично контролировал это дело. Однако Сенат не оправдал надежд самодержца и по «недостаточности улик» оправдал подсудимых. Разгневанный император перенес дело в Государственный совет. На заседании Совета Дашков, в качестве генерал-прокурора давал свое заключение. В нем он настолько убедительно разобрал приговор Сената, так обосновал свои выводы о невиновности подсудимых, что большинство членов Государственного совета высказалось за утверждение оправдательного приговора Сената. Такое мнение Совета не могло удовлетворить Николая I. Он возвратил дело в Совет с замечанием о том, что Сенат, придерживаясь буквы закона, мог оправдать обвиняемых, но Государственный совет должен руководствоваться государственными соображениями. Император поручил Совету вто-

рично рассмотреть это дело «с государственной точки зрения».

Дашков и на этот раз в своем блестящем выступлении доказал законность и обоснованность приговора Правительствующего сената. И Государственный совет большинством голосов опять оставил в силе приговор Сената и свое собственное решение. Журнал заседания Совета, как всегда, был направлен на Высочайшее утверждение. Николай I долго держал его у себя, и только спустя две недели вернул, утвердив все же мнение Совета.

Случилось так, что Дмитрию Васильевичу необходимо было доложить в это время государю ряд дел. Он направился во дворец, не надеясь уже вернуться оттуда министром юстиции. Но неожиданно для него император принял Дашкова приветливо и только заметил: «Ну, Дашков, мы с тобою поспорили, но я надеюсь, что это нашей дружбе не повредит».

Необходимо сказать, что генерал-прокурорским делам в Сенате Дашков всегда уделял много внимания.

В середине 1830-х гг. в Петербурге был издан Краткий свод законов, определяющих должности и права Сената, Сенаторов, генерал-прокурора или министра юстиции. Основные права генерал-прокурора в отношении Правительствующего сената оставались неизменными. В нем подтверждалось, в частности, что «Генерал-прокурор, как око Императорского Величества, обязан верно поступать, ибо первым на нем взыскано будет (§ 31). Генерал-прокурор присутствует в общем собрании Сената (§ 75). В воле его состоит присутствовать и в Департаментах (§ 77). Смотрит предпочтительно за Государственными делами (§ 76). Ежели кто из Сенаторов приговаривать будет неправо, то Генерал-прокурор предложит им, чтоб они исполняли свой долг (§ 37). В донесениях Императорскому Величеству Генерал-прокурор должен поступать осторожно и рассматрительно, дабы кому бесчестия не учинить (§ 22)» и так далее.

Ежегодно по министерству юстиции Дашковым составлялись отчеты, которые публиковались в Журнале министерства внутренних дел. Так, в отчете за 1836 г. отмечено, что министерство юстиции «обратило особое внимание на раскрытую, учрежденным в 1836 г. контролем, медлительность некоторых дел, и вследствие сего даны обер-прокурорам Правительствующего сената предписания и наставления, чтобы они со всею возможною заботливостью следили за ходом и скорейшим окончанием дел по вверенным им Департаментам Правительствующего сената... и чтобы до-

ложили о том Министру юстиции ежемесячно, или по третям, особыми ведомостями с означением своих по делам действий».

Дашков много и плодотворно занимался текущими делами, в том числе и по канцелярии Правительствующего сената. При его участии в 1832 г. были составлены новые штаты канцелярии, а на следующий год прибавлено жалование обер-секретарям и секретарям Петербургских департаментов Сената, где было очень много дел. После открытия училища проповедения Сенат стал пополняться квалифицированными чиновниками.

Некоторые новые правила были приняты по вопросу прохождения дел в Правительствующем сенате. При нем обер-прокурорам было предложено «наблюдать очереди» в докладе дел. Исключение делалось только при рассмотрении дел «о совратителях и совращенных от православия и самовольной постройке иноверческих церквей», а также при рассмотрении частных прошений и апелляционных жалоб, полученных по почте. Их подлежало докладывать в первый присутственный день после присылки. Принятые определения надо было подавать на подпись сенаторам на третий день, а указы по ним отправлять на следующий день после подписания. В первый присутственный день докладывались и дела с предложениями обер-прокуроров.

Были приняты также и некоторые дополнения к правилам составления сенатских определений. Например, требовалось обязательно излагать причины, если решение нижней инстанции признавалось неправильным.

Дашкову пришлось много внимания уделять деятельности межевой части. Проект инструкции для «понудительного» межевания, которым занимался еще министр юстиции Лопухин, в 1827 г. был передан на обсуждение комиссии под председательством обер-прокурора Межевого департамента И.У. Пейкера. Только в 1832 г. был разработан новый проект, на который Дашков дал свои замечания. Затем проект поступил на рассмотрение Государственного совета, а оттуда был возвращен в министерство юстиции, так как Пейкеру, ставшему к тому времени сенатором, было поручено «обозреть межевую часть в империи и сообразить составленный комиссией проект с местными обстоятельствами». После изучения всех вопросов было признано целесообразным не вводить «понудительное» межевание, а назначить трехгодичный срок для «полюбовного». Дашков с этим согласился и вынес вопрос на рассмотрение Государст-

венного совета, который поддержал министра юстиции. Мнение Совета было Высочайше утверждено 8 января 1836 г..

В губерниях были созданы специальные комитеты для «собрания сведений о всех землях», а в министерстве юстиции — особый центральный комитет, на который возложили обязанность рассматривать все «труды» губернских комитетов. Межевое училище было преобразовано в Константиновский межевой институт. Заведование институтом поручили сенатору, руководившему межевой частью, под «главным надзором» министра юстиции. Таким образом, вопросы межевания земель в Российской империи все более и более сосредоточивались в руках министра юстиции. Это дало основание Дашкову в 1836 г. поставить вопрос о «сосредоточении распорядительной власти по учреждениям генерального межевания» под надзором министра. Николай I согласился с этим предложением. Межевой корпус окончательно вошел в состав министерства юстиции. Главным директором его был назначен сенатор Иван Устинович Пейкер. В специальной инструкции Дашков подробно определил его полномочия, взаимоотношения с министерством, вопросы участия министра в распорядительных делах межевого ведомства. В соответствии с этой инструкцией главный директор являлся начальником всех учреждений межевого корпуса и межевых учебных заведений. Он принимал на службу, перемещал и увольнял чиновников, за исключением некоторых высших должностей, осуществлял контроль и надзор за ходом межевания, представлял министру юстиции отчеты о состоянии межевой части. Ему же были подчинены все межевые ревизоры. В министерстве юстиции сосредоточились все законодательные работы по межевым вопросам.

В присутственных местах дореформенной России почти повсеместно процветали злоупотребления и взяточничество, ужасающая медлительность в производстве дел. Даже самый добросовестный министр юстиции, а Дашков именно таким и был, ничего не мог противопоставить этим порокам. Наименее всего были поражены лихоимством прокурорские кадры, но и они были не без греха. Хуже всего обстояло дело с рассмотрением материалов о злоупотреблениях. Например, только в 1831 г. в Петербургской губернии скопилось почти 120 тыс. нерешенных дел, из которых свыше 5 тыс. относились к должностным преступлениям.

Порой беззаконие и бесчинство творили губернаторы, которые не хотели считаться с прокурорской властью. В 1839 г. после вмешательства Дашкова, министр внутрен-

них дел вынужден был поставить на вид Симбирскому губернатору за то, что тот отдал распоряжение полицмейстеру о недопущении прокурора в тюрьму к содержавшемуся там арестанту.

Хотя Дашков и принимал меры по поддержанию губернских прокуроров, многие из них находились под влиянием губернаторов и с этим ничего нельзя было поделать. Не случайно русская литература XIX века, изображая современные ей типы российских чиновников, в числе других гневно обличала также прокуроров и стряпчих.

На посту министра юстиции Дашков уделял определенное внимание совершенствованию законодательства и улучшению деятельности судебных и прокурорских органов. По этим вопросам его ведомством было подготовлено несколько важных проектов, впоследствии утвержденных императором. Один из таких законов — устав торгового судопроизводства и учреждение торговых судов.

В октябре 1836 г. Дашков представил императору Николаю I Всеподданнейший доклад о работе министерства по подготовке законопроектов. «Вашему императорскому Величеству угодно иметь сведения о материалах, собранных в Министерстве Юстиции касательно усовершенствования судопроизводства и других предметов законодательства, — писал он. — Материалы сии, тщательно изыскиваемые, двойного рода: или частные, к определенным юридическим предметам относящиеся, или общие, объемлющие целые их отрасли».

К первым Дашков отнес три постановления, уже утвержденные в 1836 г.: «1) О предупредительных мерах к специальному размежеванию земель по государству; 2) о применении изданных для Сената правил касательно сокращения сроков рукоприкладства к средним и нижним инстанциям; 3) о мерах к приведению в лучшее устройство межевого управления, с отделением судебной части от распорядительной».

По сообщению министра, так называемые общие законопроекты были подготовлены с участием специалистов и практиков, то есть лиц, «коих особенные занятия и познания по той части обещали полезное участие». Дашков отмечал, что хотя работа и была трудная, однако проекты «получили уже надлежащую зрелость», то есть полностью готовы к утверждению. К этим законопроектам Дашков отнес следующие: 1) Проект инструкции для следователей; 2) соответствующее сему преобразование по уголовному судопроизводству; 3) основные предложения об усовершенст-

вовании гражданского судопроизводства; 4) с той же целью сделанный проект новых правил о десятилетней давности; 5) начертание нового устава о несостоятельности дворян и других лиц, не принадлежащих к торговому сословию; 6) однородный сему проект об инвенторах, как средстве к предупреждению несостоятельности и восстановлению кредита».

Поскольку вопросами подготовки законопроектов занималось, в основном, Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, то Дашков испрашивал согласия на передачу подготовленных проектов законов Сперанскому после рассмотрения их в Государственном совете. Николай I одобрил эти предложения.

В том же году Дашков представил императору записку «О мерах к исправлению действующих законов, о судопроизводстве гражданском и уголовном». В ней он писал, что могут быть только два способа «исправления» законов: отдельный и систематический. Отдельный способ, по его мнению, состоял в том, чтобы исправлять «неудобные» статьи постепенно, «издавая каждый раз особые положения». Систематический способ должен состоять в том, чтобы «обозрев все статьи судопроизводства в их совокупности», составить «общие начала» к их исправлению, а затем издать одно общее положение. Сам Дашков считал, что первый способ «оказывается неудобным». Полезным может быть только «общее, систематическое» исправление. Само исправление, отмечал министр юстиции, должно быть вначале предварительное, а потом — окончательное.

К предварительным мерам Дашков относил: 1) обозрение сначала гражданского, а затем уголовного законодательства во всем его составе, с тем, чтобы кратко показать все недостатки и неудобства законов; 2) сравнение разных систем судопроизводства и извлечение из них «главных начал той системы, которая может быть наиболее свойственна»; 3) после утверждения этих «начал» приступить непосредственно к работе по «исправлению» законодательства. Окончательной мерой должно было стать «обозрение» всех собранных материалов, сравнение их с утвержденными «началами», распределение работы между редакторами, подготовка и рассмотрение отдельных частей проекта, печатание всего закона, затем общий и строгий пересмотр его, вынесение на окончательное утверждение. Николай I полностью одобрил предложение Дашкова, остановившись на систематическом способе исправления законодательства. При этом он изъявил желание начать с «исправления» уго-

ловных законов, «коих недостатки в особенности ощутительны».

Однако по-настоящему систематический пересмотр всего уголовного и гражданского судопроизводства начался лишь спустя двадцать лет, когда во главе Второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии стоял Д.Н. Блудов. Именно он приступил к завершению дела, начатого его другом Д.В. Дашковым.

Следует заметить, что Дмитрий Васильевич вынашивал идею введения гласного судопроизводства, создания адвокатуры, но в царствование Николая I это было несбыточной мечтой.

Дашков умело подбирал чиновников для своего аппарата. Так, директором департамента в 1831—1839 гг. служил действительный статский советник Павел Иванович Дегай, известный в то время юрист, доктор права. Он отличался широкими и своеобразными взглядами на задачи изучения русского права, выпустил ряд интересных работ. В частности, в 1831 г. вышла его книга «Пособие и правила изучения российских законов, или материалы к энциклопедии, методологии и истории литературы российского права», в которой он изложил свои воззрения на закон и правосудие. В одной из своих работ Дегай писал: «Юрист только тогда будет понимать с ясностью отечественное право, когда хорошо познает общую цель законов; только тогда с успехом будет содействовать улучшению правоведения, когда воспользуется опытом других положительных прав». П.И. Дегай принимал самое деятельное участие в подготовке многих законопроектов, вышедших из министерства юстиции.

За заслуги на посту министра юстиции Д.В. Дашков был награжден орденом Св. Александра Невского и чином действительного тайного советника.

Хорошо знавший его Ф.Ф. Вигель писал: «Он был в лучших годах жизни, высок ростом, имел черты правильные и красивые, вид мужественный и скромный вместе. В обществе казался он даже несколько угрюм, смотрел задумчиво и рассеянно и редко кому улыбался; зато улыбка его была приятна, как от скупого дорогой подарок; только в приятельском кругу скупой делался расточителен. Незнакомые почитали Дашкова холодным и мрачным; он весь был любовь и чувство; был чрезвычайно вспыльчив и нетерпелив, но необычайная сила рассудка, коим одарила его природа, останавливала его в пределах умеренности. Эта вечная борьба с самим собою, в которой почти всегда оставался он победителем, проявлялась и в речах его, затрудняла его вы-

говор: он заикался. Когда же касался важного предмета, то говорил плавно, чисто, безостановочно; та же чистота была в душе его, в слогe и даже в почерке пера».

В феврале 1839 г. Дашков был назначен членом Государственного совета и председателем департамента законов. Однако в этой должности он прослужил недолго. В ноябре 1839 г. Дмитрий Васильевич Дашков скончался. Похоронен он в Александро-Невской лавре.

Один из сыновей Дашкова, Дмитрий Дмитриевич, родившийся в 1836 г., был известным земским деятелем и писателем. Много лет он служил гласным Рязанского земства, а затем председателем Уфимской губернской земской управы. Он активно работал по развитию народного образования в России, написал по этому вопросу несколько книг. Умер в 1901 г.

Брат Д.В. Дашкова, Андрей Васильевич достиг сенаторского звания, а племянник, Василий Андреевич (1819—1896 гг.) был выдающимся русским этнографом. По его инициативе в Москве в прошлом веке основали музей русской этнографии.